

А Черкасов А.А.

Б До смерти целая жизнь —
Галактионов

Б Магнитогорская студия телевидения

7. Режиссер — Милов Н.

Художник — Корнеева Н.

Магнитогорский район
г. Магнитогорск

21 ЯНВ 1972

СКИТ РАБОЧИЙ

В ЖИЗНИ, В КНИГЕ, НА ЭКРАНЕ

В Перми на городском кладбище есть могила под мраморным обелиском, формой напоминающим парус. В овале — фотография юноши, под нею подпись: «Александр Черкасов 1946—1966». В теплое время года на могиле всегда букетики живых цветов. Приносят их, в большинстве, молодежь.

Это юношеское лицо, этот взгляд за стеклами очков, серьезный и задумчивый, магнитогорские зрители в течение недавно на своих голубых экранах. О Саши Черкасове, его жизни и гибели рассказывал нам спектакль «А до смерти целая жизнь» Магнитогорской студии телевидения (режиссер Н. Милов, телеоператоры Р. Шихметов и В. Намятов, художник Н. Корнеева, редактор Н. Смирнова).

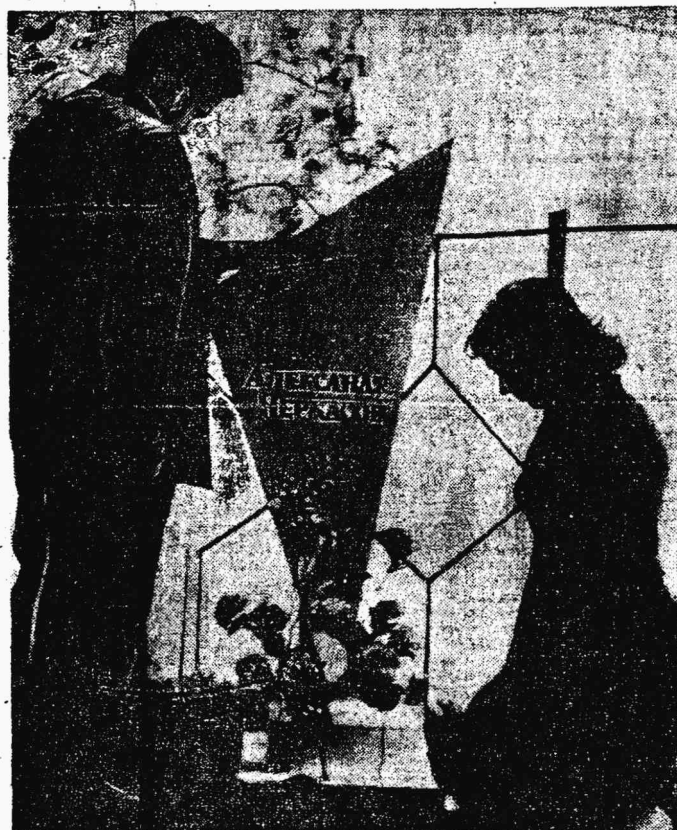
В основу спектакля положена книга того же названия, принадлежащая перу пермского писателя и журналиста Андрея Дмитриевича Черкасова, отца Саши. Это повесть в письмах: армейские письма Саши к любимой девушке Татьянке и ее ответные послания. Сама по себе любая переписка, пусть самая волнующая, только документ. Но то, что автор книги «А до смерти целая жизнь» присоединяет к голосам молодых людей в свой голос — свои воспоминания и раздумья о сыне, и мудрость прожитой жизни, в свою отцовскую боль, старается заново осмыслить, соотносит с законами нашего времени весь пройденный Сашей путь, делает эту книгу фактом искусства. Художественным произведением, где невыдуманная правда документа тесно переплетается с правдой поэтического обобщения.

Режиссер Магнитогорского телевидения Н. Милов заинтересовался книгой, поехав в Пермь, побывав в семье Черкасовых, много беседовал с родителями о Саши. И вот родился сценарий будущего телеспектакля, а затем и сам спектакль. Работа, с которой не во всем соглашались, но принимались, всецело и главным. Гармонически ясный образ юности, не замутненный сомнениями, неосторожностью, не обуздаемый мальчишеским максимализмом и нетерпимостью к опыту старших (черты, которыми ныне авторы книг и спектаклей о молодежи охотно наделяют своих положительных героев) — вот что прежде всего привлекает в спектакле. Этот образ продиктован самим материалом, подлинными письмами Саши. О чем бы ни писал он — о любви к Татьянке или сыновней привязанности к родителям, о солдатской службе или своих читательских симпатиях — на всем лежит отсвет его личности, цельной и бескомпромиссной, ясного взгляда на жизнь, душевного здоровья.

Сашу играет артист театра имени Пушкина Е. Валуев. Режиссер не ошибся, поручив эту роль актеру, пусть еще неопытному, но выступившему здесь во всеоружии своей естественной молодости, которую ведь не наиграешь, не создашь искусственно, особенно на такой приближенной к зрителю, ничего не маскирующей площадке, как телескран. Прибавим к этому, что Е. Валуев выступает в необычной роли, где он не ведет диалога с партнерами, не обменивается репликами, а читает письма, т. е. адресуется непосредственно к залу, к незримой в данном случае аудитории. Поэтому здесь особенно важно установить тесный контакт со зрителями, жить с ними, как говорится, на одном дыхании, что молодому исполнителю в общем удалось.

Эта атмосфера искреннего и доверительного общения со зрителями еще более ощутима, когда на экране — отец Саши (арт. Н. Галактионов). Спектакль построен режиссером как своеобразная переписка младшего и старшего Черкасовых, только Саша живет сегодняшним днем, отец — воспоминаниями. Пожилой грустный человек в который раз перебирает листочки писем, вглядывается в строчки, где ему дорога каждая запятая, и вспоминает, вспоминает... В исполнении Н. Галактионова — много сердца, живого чувства, но, к сожалению, к концу спектакля эмоциональный нахал снижается, и то, что ранее воспринималось как взволнованный отклик отца на письма сына, становится мало выразительным и явно затянутым комментарием. Понижен в этом и сценарий, очень уж перегруженный роль отца словесным материалом. Вообще спектакль, наверно, выиграл бы, будь он короче — здесь много повторов — и не столь многословен. А еще хочется, чтобы артисты говорили на телескране не только словами, но и улыбкой, глазами, движением руки, поворотом головы — выразительный язык телевизионного театра прекрасен, его возможности велики. Нельзя, правда, сказать, что Н. Милов их не использует. Вот ноги в сапогах шагают вверх по ступенькам лестницы, оставшаяся снежная следы: это солдат приехал на побывку. Появился на экране Татьяна (арт. Л. Суворина), улыбнулась, шаловливо завернула в юбку — записка на характер. Сдвинутые боксаль, маленькая елка в елях, котенок, играющий легкой серпантинкой — и вот на экране новгородный праздник. Все это интересные режиссерские находки.

«Встреча» с Сашей Черкасовым остается в душе одновременно светлое чув-

ство и щемящее ощущение утраты — ведь нам с самого начала известен трагический исход. И потому печальной нотой отзывается и сердце приведенные Татьяной в письмо к Саше строки Варвония Тушовой — несбывшееся обещание:

Понимаешь, все еще будет.
Южный ветер еще подует
И весну еще явощудет...

И — скрытый драматизм сцены, когда Татьяна у окна мечтает о близкой встрече с любимым и выводит на стекле его имя, не зная, что Саша уже нет в живых и не слышит скорбный Реквием, который слышим мы.

Спектакль начинается заставкой: рука в обшлага солдатской шинели, охваченная огнем. Выполняя важное задание, рядовой ракетных войск Александр Черкасов был убит током высокого напряжения. И кажется, что прямо к этому мальчику-солдату, прошедшему свой короткий путь очень прямо и очень честно и со всем мужеством сделавшему свой самый трудный последний шаг, обращены стихи А. Рашетова, лейтмотивом прошедшие по спектаклю:

Что коротке нашей жизни дивной
Этим чувством нам и надо жить,
Чтобы было песней лебединой
Все, что мы успеем совершить.

О. КАРПОВА.